

или освободить лицо от их оплаты, отсрочить или рассрочить их уплату. Представляется целесообразным закрепить подобное предписание и в УПК Республики Беларусь, что предоставит органу, ведущему уголовный процесс, вариативность принятия решений в части распределения процессуальных издержек в зависимости от физического состояния, семейного и имущественного положения лица, с которого они должны быть взысканы. Так, в случае временной нетрудоспособности, безработицы возмещение процессуальных издержек возможно отсрочить, в случае нахождения иждивенцев – уменьшить их размер и рассрочить их уплату.

Анализируя особенности распределения процессуальных издержек по уголовным делам частного обвинения, закрепленные в ч. 9 ст. 163 УПК Республики Беларусь, следует отметить частноправовой характер нормы, закрепляющей правило о том, что процессуальные издержки возлагаются на потерпевшего и на обвиняемого либо одного из них при прекращении производства по уголовному делу за их примирением. Однако в сфере гражданского судопроизводства в случае заключения мирового соглашения по общему правилу судебные расходы по делу взаимно погашаются, если стороны не договорились об ином. Вместе с тем в соответствии с ч. 9 ст. 178 УПК Республики Казахстан при прекращении дела за примирением сторон процессуальные издержки взыскиваются с подсудимого. Принимая во внимание изложенное и с учетом того, что в случае прекращения производства по уголовному делу по основанию, предусмотренному п. 5 ч. 1 ст. 29 УПК Республики Беларусь, как не реабилитирующему, процессуальные издержки должны возлагаться на обвиняемого, полагаем целесообразным исключить указанное предписание ч. 9 ст. 163 УПК Республики Беларусь.

Из смысла норм ст. 163 УПК Республики Беларусь следует, что в случае прекращения производства по уголовному делу частного обвинения по иным основаниям должны применяться общие правила, регулирующие порядок распределения процессуальных издержек. В данной связи отдельного внимания заслуживает предписание ч. 5 ст. 213 модельного УПК для государств – участников СНГ, закрепляющее право суда возложить издержки на частного обвинителя как в случае оправдания обвиняемого, так и в случае отказа его от поддержания обвинения в суде. Согласно ч. 5 ст. 428 УПК Республики Беларусь частный обвинитель вправе отказаться от обвинения, что влечет прекращение производства по уголовному делу за отсутствием состава преступления и наступление для обвиняемого последствий, аналогичных его оправданию, поскольку указанное основание является реабилитирующим. Специальным основанием прекращения производства по делу частного обвинения является неявка частного обвинителя или его представителя в судебное заседание без уважительных причин, что приравнивается к отказу его от обвинения и влечет также прекращение производства по уголовному делу по указанному реабилитирующему основанию. Таким образом, в случае прекращения производства по уголовному делу в связи с неявкой частного обвинителя или его представителя в судебное заседание без уважительных причин либо отказа от обвинения процессуальные издержки должны возлагаться на частного обвинителя.

Исходя из правовой природы процессуальных издержек расходы в ходе производства по материалам и уголовному делу могут возникать как в связи с выполнением участниками уголовного процесса своих процессуальных обязанностей, так и в связи с нарушением с их стороны своих обязанностей, что впоследствии должно отражаться и на специфике их распределения. В последнем случае обязанность по возмещению процессуальных издержек следует возлагать на тех, кто допустил виновное правонарушение и тем самым повлек излишние траты, что будет способствовать реализации превентивной и компенсационной функций института процессуальных издержек. Следовательно, источником возмещения процессуальных издержек могут стать средства и потерпевших, свидетелей, экспертов, специалистов, переводчиков, других участников уголовного процесса, нарушивших свои процессуальные обязанности.

Таким образом, полагаем необходимым совершенствовать уголовно-процессуальное законодательство в обозначенных направлениях, что будет способствовать реализации компенсационной и превентивной функций института процессуальных издержек и достижению его цели.

УДК 343.13

В.И. Масюк

СТРУКТУРА НОРМ О ПРЕДЕЛАХ ДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА

Вопрос о структуре норм о пределах действия уголовно-процессуального закона имеет важное значение при определении степени обязательности данных норм для правоприменителя. Правовой наукой до настоящего времени не выработан единый подход к структуре правовой нормы. С.А. Голунский, С.М. Строгович, В.С. Нерсисян являются сторонниками трехчленной структуры правовой нормы и выделяют следующие ее обязательные элементы: гипотезу (часть правовой нормы, предусматривающую обстоятельства, при наступлении которых следует руководствоваться установленным ею правилом), диспозицию (часть правовой нормы, содержащую правило поведения субъектов права), санкцию (часть нормы, содержащую описание неблагоприятных последствий, которые могут наступить в случае нарушения требований, изложенных в диспозиции). Такая структура правовой нормы называется логической.

Существует также подход, согласно которому норма права состоит только из двух элементов: гипотезы и диспозиции или гипотезы и санкции. А.Ф. Черданцев указывает, что норме права, для того чтобы быть обеспеченной принудительной силой государства, совсем не обязательно иметь в качестве своего структурного элемента санкцию. Сторонник данного подхода И.П. Томашевский, проведя анализ законодательства, пришел к противоречивому выводу о том, что не существуют такие нормы права, которые состоят из трех элементов.

Ввиду многообразия правовых норм, их предметных, целевых и функциональных различий ни один из указанных подходов не может быть абсолютизирован и служить эталоном в определении структуры всех правовых норм. В связи с этим выделяется интегрированный подход, согласно которому нормы права могут состоять как из двух, так и из трех элементов. По мнению Л.А. Морозовой, трехчленная структура правовой нормы присуща нормам-правилам поведения, но не нормативным предписаниям (например, нормы-принципы, нормы-цели, нормы-дефиниции). Следует отметить, что некоторые диспозитивные нормы-правила поведения не имеют в текстуальном выражении и не подразумевают наличие санкции. Так, из гипотезы и диспозиции состоит изложенная в ст. 135 УПК Республики Беларусь норма, согласно которой за участниками уголовного процесса закреплено право обращения с ходатайствами в орган, ведущий уголовный процесс. Данному праву корреспондирует обязанность органа, ведущего уголовный процесс, принимать и рассматривать ходатайства, но в тексте закона нет санкции и фактически не могут наступить негативные последствия в случае, если участник уголовного процесса не имеет ходатайств или не желает их заявлять.

Следует принимать во внимание, что в целях лаконичности и соблюдения правил юридической техники законодатель при закреплении в нормативных правовых актах правовых норм может не указать один из элементов нормы, когда он очевиден, т. е. фактическое содержание нормы может быть более широким, чем ее текстуальное закрепление. Сторонником данной позиции является В.С. Нерсесянц. На такую особенность построения уголовно-процессуальных норм указывают ряд ученых, в том числе А.В. Гриненко, И.В. Данько.

Вопрос о структуре норм о пределах действия уголовно-процессуального закона следует решать исходя не только из их предметного отношения к отрасли уголовно-процессуального права, но и из их функциональных особенностей и значения. Н.А. Власенко, А.А. Тилле, А.В. Денисова, В.В. Ершов, Д.В. Агашев, Т.А. Щелокаева, С.В. Сибилева справедливо относят данные нормы к числу коллизионных. Как указывает Н.А. Власенко, под коллизией следует понимать отношение между нормами, выступающее в форме различия или противоречия при регулировании одного фактического отношения. Нормы, различно регулирующие одно правоотношение, называются коллидирующими, а нормы, регулирующие порядок разрешения коллизий, – коллизионными. А.А. Тилле обосновал отнесение норм, регулирующих действие закона во времени, к числу коллизионных тем, что соотношение нового и старого закона и решение вопроса о применении одного из них и есть коллизия законов во времени. Анализ норм о пределах действия закона этот вывод подтверждает, поскольку в диспозициях таких норм содержатся не первичные правила поведения, а указания на закон, которым необходимо руководствоваться при регулировании общественных отношений. Коллизионные нормы регламентируют исключительно действия правоприменителя по выбору закона, подлежащего применению. Коллизионные нормы, регулирующие пределы действия уголовно-процессуального закона, закреплены в ст. 3–5 УПК Республики Беларусь. Изучение структуры указанных статей показывает, что в их тексте есть гипотезы (объемы) и диспозиции (коллизионные привязки), но нет санкций. Гипотезы этих статей выражены пространственными, темпоральными и субъектными условиями, диспозиции – указаниями на подлежащий применению в этих условиях уголовно-процессуальный закон, например, в ч. 1 ст. 3 УПК Республики Беларусь диспозиция сформулирована так: «ведется в соответствии с настоящим Кодексом», в ч. 2 ст. 3 УПК Республики Беларусь – «правила настоящего Кодекса применяются». Закрепленная в ч. 2 ст. 4 УПК Республики Беларусь норма «согласие на производство этих действий испрашивается через Министерство иностранных дел Республики Беларусь» является единственной из закрепленных в ст. 3–5 УПК Республики Беларусь норм, которая не относится к коллизионным.

Основываясь лишь на фактической структуре статей нормативных правовых актов, Н.А. Власенко и Л.А. Морозова считают, что коллизионные нормы состоят из гипотезы и диспозиции, при этом Л.А. Морозова указывает, что санкция как таковая отсутствует, так как следствием несоблюдения правил, предусмотренных в коллизионной норме, будет то, что коллизия не получит своего разрешения. Такое обоснование подразумевает отсутствие негативных последствий в случае неверного применения коллизионной нормы, что, очевидно, не соответствует действительности и может негативно повлиять на отношение правоприменителя к степени обязательности таких норм. Л.Н. Борисова считает, что у коллизионной нормы нет санкции, поскольку ее исполнение обеспечивается санкцией той нормы права, которая применяется в результате подключения коллизионной. При таком подходе возникает вопрос: санкцию какой из коллидирующих (сталкивающихся) норм следует применять? Кроме того, не всегда коллидирующие нормы имеют санкции или их подразумевают, при этом в каждом случае нарушения требований коллизионных норм будет иметь место факт применения закона не подлежащего применению и неприменения закона, подлежащего применению, т. е. незаконные действия.

Представляется правильным, что в текстуальном выражении коллизионных норм санкция отсутствует, однако она подразумевается. Сторонником такого подхода является А.А. Тилле, который указывает, что действие лица или органа, противоречащее данной норме, будет рассматриваться как нарушение закона с последствиями, определенными конкретными обстоятельствами. Л.П. Ануфриева считает, что фактическая структура коллизионных норм двухэлементна, однако логически они состоят из трех элементов, включая санкцию.

С учетом изложенного следует заключить, что коллизионные нормы о пределах действия уголовно-процессуального закона в тексте закона отражены в виде гипотез, выраженных пространственными, темпоральными, субъектными условиями, а также диспозиций, выраженных указанием на подлежащий применению закон. При этом в своей логической структуре рассматриваемые нормы помимо двух указанных элементов содержат также санкции, которые в общем виде представляют собой неблагоприятные последствия в виде признания незаконности процессуальных действий и решений, совершенных и принятых с нарушением требований данных норм. В зависимости от правовой ситуации санкции этих норм конкретизируются.